

АНАТОМИЯ **АРМИИ**

**ЮРИЙ
ВЕРЕМЬЕВ
КРАСНАЯ
АРМИЯ
В НАЧАЛЕ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ**

**КАК ГОТОВИЛИСЬ К ВОЙНЕ
СОЛДАТЫ И МАРШАЛЫ**

Анатомия армии

Юрий Веремеев

**Красная Армия в начале Второй
мировой. Как готовились к
войне солдаты и маршалы**

«Алисторус»

2010

Веремеев Ю. Г.

Красная Армия в начале Второй мировой. Как готовились к войне солдаты и маршалы / Ю. Г. Веремеев — «Алисторус», 2010 — (Анатомия армии)

О ходе самой Второй мировой войны, об операциях, победах и поражениях противоборствующих сторон написано немало как художественных, так и документальных книг. Как правило, авторы показывают Вторую мировую войну в крупных масштабах (ход войны в целом, крупнейшие сражения, наиболее примечательные бои). Если заходит речь о том, как и чем воевали, то более или менее подробно описываются танки, самолеты, артиллерийские орудия, стрелковое вооружение. При этом остаются неосвещенными вроде бы несущественные, маловажные моменты. Например, как питались советские, немецкие солдаты, как одевались. Судьбы военнопленных, отношение к ним той или другой стороны. А ведь нередко целое познается через детали, через, казалось, бы второстепенные сведения. В книге читатель узнает о планах начального периода войны всех приграничных округов, реальные документы по устройству и быту армии. Читатель сам сможет сделать выводы о степени готовности Красной Армии к войне, ее намерениях, планах. Много лет историк Ю. Г. Веремеев, бывший военный, изучает Красную Армию, вникая во все тонкости. Результатом стал популярнейший сайт «Анатомия армии» и данная книга.

Содержание

Предисловие	6
Гениальность гитлеровских полководцев и бездарность сталинских	9
Некомпетентность Гитлера	17
«Генерал грязь»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Юрий Веремеев
Красная Армия в начале Второй
мировой. Как готовились к
войне солдаты и маршалы

©Веремеев Ю. Г., 2010

©ООО «Алгоритм-Издат», 2010

©ООО «Издательство Эксмо», 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

О ходе Второй мировой войны, об операциях, победах и поражениях противоборствующих сторон написано немало как художественных, так и документальных книг. Как правило, авторы показывают Вторую мировую войну в крупных масштабах (ход войны в целом, крупнейшие сражения, наиболее значительные бои). Если заходит речь о том, как и чем воевали, то более или менее подробно описываются танки, самолеты, артиллерийские орудия, стрелковое вооружение. При этом остаются неосвещенными вроде бы несущественные, маловажные моменты. Например, как питались советские, немецкие солдаты, как их одевали. Судьбы военнопленных, отношение к ним той или другой стороны. А ведь нередко целое познается через детали, через, казалось бы, второстепенные сведения.

Чаще всего настоящие историки эти моменты освещают бегло несколькими цифрами и тут же делают крупные обобщающие выводы, которые и воспринимает читатель. Таким образом, вместо того чтобы давать информацию к размышлению и анализу, вместо того чтобы дать возможность читателю разобраться самому, в головы людей закладывают заранее определенные оценки и мнения.

Вот, например, сколько лет идет спор о немецких летчиках-истребителях. Одни писатели с восторгом пишут о трехстах с лишним сбитых немецким асом советских, английских и американских самолетах, другие же с не меньшим возмущением заявляют, что это обман. Но ни те ни другие не спешат приводить документы. А почему бы не опубликовать соответствующий нормативный документ о порядке учета в люфтваффе сбитых самолетов (или побед), а почему бы не показать копию летной книжки этого же аса? Известный историк авиации М. Зефирков пишет, что летная книжка аса Хартмана не сохранилась. А может, биографам Хартмана не очень хотелось ее показывать? Почему-то сохранились фотографии Хартмана на фронте, пленки его кинофотопулеметов, письма, дневники. А вот летная книжка утрачена. Какая, казалось бы, жалость! Но фокус в том, что если занудливый читатель доберется до скучных записей в летной книжке, приказов по эскадрилье, накладных на горючее, сводок погоды, книг учета больных в полку, отпускных билетов, да еще при этом сравнит данные противной стороны, то вполне может оказаться, что сей ас никак не мог в этот день сбить, к примеру, двух Ил-2, так как этих самолетов в то время на данном участке фронта у нас не было.

Еще пример. Михаил Зефирков в своей книге «Штурмовая авиация люфтваффе» с восторгом пишет, что 25 ноября 1942 года Ульрих Рудель на Ю-87 поставил мировой рекорд боевых вылетов за день (17 вылетов). Однако давайте заглянем в календарь. В этот день восход солнца в 8.22, заход в 16.15. Таким образом, световой день длился 7 час 53 минут. (Рудель не ночной летчик, в темноте он не летал.) Итого на получение боевой задачи, прокладку маршрута, взлет, полет до цели, атаку, возвращение на аэродром, посадку – получается 27–28 минут. А дозаправка топливом, перезарядка пулеметов, подвеска бомб – все это тоже требует время. Допустим, что Рудель «железный», и ему не надо поесть, не надо сбегать по нужде, но «юнкерс» без бензина летать не станет, и пулемет без патронов мог стрелять только у Л. И. Брежнева на Малой земле. Чувствуете, как припахивает? А если мы сошлемся на генерала Дерра, который пишет об этом же времени и об этом же участке фронта, что погода в ноябре стояла скверная, солнце в эти дни выползало из тумана не раньше 10–11 часов утра, а после 15 часов все снова погружалось в полумрак? К сожалению, я не смог отыскать метеосводку за 25 ноября 1942 года. Я заглянул в техническое описание Ю-87 и узнал, что время на подготовку этой машины к повторному вылету составляет 45–65 минут. Вот и лопнул фокус. Никак не мог Рудель взлететь 17 раз за день, если только он не занимался в этот день обучением молодых летчиков, то есть взлет – облет аэродрома – посадка. Однако согласитесь, что это вряд ли можно назвать боевыми вылетами.

А вот набивший оскомину спор о том, кто виноват в начале войны – Германия или СССР, Сталин или Гитлер, кто готовил нападение, а кто собирался обороняться. Обе стороны приводят в доказательство своей правоты количество дивизий той и другой стороны, с упоением считают танки, самолеты, пушки. Но, когда задаешь простейший вопрос – откуда взяты эти цифры (как правило, очень и очень разнящиеся в зависимости от того, что старается доказать автор), то выясняется, что писатель А взял эти данные из книги писателя Б, который ссылается там на мнение журналиста В, беседовавшего вроде бы с генералом Г, вычитавшего, оказывающегося, эти данные у писателя А. Это в лучшем случае. Очень часто цифры берутся просто с потолка.

Почему-то историки крайне неохотно делятся с читателями своими источниками информации, да и те чаще оказываются всего лишь мемуарами военачальников той или иной стороны.

Американский историк С.Л.А. Маршалл, занимавший в армии США после окончания Второй мировой войны должность «Главный историк Европейского театра военных действий», пишет в предисловии к своей книге группы немецких генералов «Роковые решения»:

«...у людей, особенно немолодых, часто происходят странные вещи с памятью. С точки зрения историка, самое опасное в человеческой памяти то, что никогда нельзя заранее определить, в какую сторону она может отклониться. Я знаю людей, которые отличались превосходной памятью, пока командовали войсками; но стоило назначить их на штабную работу с новым кругом обязанностей, как они, казалось, утрачивали это замечательное качество. Часто бывает, что человек, отлично помнивший все, что происходило месяц назад, через несколько месяцев многое забывает, в то время как другой человек, едва помнивший, что случилось накануне, всю жизнь сохраняет смутное воспоминание о далеком прошлом. Я видел так много удивительных фокусов с человеческой памятью под влиянием нервного напряжения в бою, что не могу полностью доверять мемуарной литературе».

А ведь как часто историки ссылаются именно на мемуары, как на абсолютно достоверный источник.

Казалось бы, куда проще знакомить читателей с документами той эпохи – приказами, уставами, директивами, приговорами, военными сводками, рапортами, служебными записками, боевыми донесениями, картами, планами, схемами и т. п. Вот вам, читайте, разбирайтесь, анализируйте, делайте свои выводы.

Но как только наивный читатель заикается о том, что мол не худо бы показать мне не отрывок из того или иного документа, а весь его полностью, какой он есть, как раздается дружный журналистский рев: «Наши архивы засекречены, туда никого не пускают, от нас прячут правду-матку. Мы бы рады показать историю войны такую, какая она есть, но это КГБ все засекретило».

Не верь, читатель! Это просто отговорки.

Архивы не столь уж и закрыты для доступа. Конечно, это не публичный читальный зал, но если обратиться туда с мотивированным письмом (т. е. изложить для чего тебе требуется ознакомиться с теми или иными документами), то попасть туда вовсе несложно. Разумеется, за это нужно платить деньги и не малые, но сам доступ как таковой в архивы открыт.

А причин у журналистов не показывать эти документы из архивов несколько.

Во-первых, они пишут не так, как было или есть на самом деле, а так, как им заказано. Если истина совпадает с заказом – хорошо, не совпадает (что бывает гораздо чаще), то тем хуже для истины. В такой ситуации, конечно, очень нежелательно, чтобы читатель располагал этими документами. А вдруг завтра поступит заказ доказывать как раз обратное.

Во-вторых, архивы – это не столитовая книжечка Радзинского, где одним махом разоблачаются происки большевиков, а тысячи и тысячи пыльных папок, в которых миллионы листов. Надо знать, где и что искать, необходимо просидеть над ними много месяцев, чтобы накропать чуть-чуть чего-либо стоящего. Как старатель промывает сотни тонн песка ради

нескольких граммов золота. А у «писателя-историка» на это нет времени. Надо бабки срубить, пока тема актуальна. Так что крик о закрытости архивов часто просто выдает некомпетентность и незнание предмета тех, кто пишет об исторических событиях. Ну как он может показать документы, если он просто не знает, существуют ли они вообще. Куда проще придумать те или иные сведения или слизать их у своего же товарища по цеху. Вот и ссылается Коротич на Резуна, а Резун на Коротича. Удобно обоим.

В этой книге автор с помощью публикации документов того времени предлагает читателю возможность самому окунуться в атмосферу того времени, разобраться, почему и как принимались те или иные решения, какими данными руководствовались главы государств и командующие армий.

Читатель увидит планы начального периода войны всех приграничных округов (Ленинградский, Прибалтийский, Западный, Киевский, Одесский). Это не выжимки и не рассказы. Это сами документы. Читатель сам сможет сделать выводы о степени готовности Красной Армии к войне, ее намерениях, планах.

Короче говоря, эта серия – сборник документов о Красной Армии в канун войны и в ходе войны. Разумеется, далеко не все, но я надеюсь хоть немного развеять туман заблуждений или просто откровенной лжи.

Но, читатель, запасись терпением. Многие документы длинны, скучны и не так легко читаются, как, скажем «Ледокол» В. Суворова. Документы надо читать с карандашом в руках и положив на стол перед собой карту (желательно 1:500 000, ну, по крайней мере, 1:1 000 000). Одно преимущество – ощущение того, что твои уши освобождаются от длинной лапши. В конце каждой статьи даны точные координаты местонахождения самого документа.

Так что, читатель, не столь уж и сложно проверить, – а не вешаю ли и я вам лапшу на уши?

Гениальность гитлеровских полководцев и бездарность сталинских

Наши демократические историки, начиная с середины 80-х годов, усиленно доказывают, что Великая Отечественная война была выиграна исключительно стараниями простых советских солдат, а Сталин и все его маршалы и генералы играли в этой войне резко отрицательную роль. Так и пишут: «...не благодаря, а вопреки». А вот немецкие, мол, полководцы все как один были выдающимися стратегами, или уж как минимум обладали выдающимися военными талантами.

Согласно новейшим «изысканиям» весьма сведущих в военном деле, «прекрасно разбирающихся в стратегии и оперативном искусстве», хотя и не единого дня не служивших в армии, не воевавших, писателей, журналистов и ученых-историков, без излишней скромности именующих себя «военными экспертами», «военными обозревателями», «военными аналитиками», получается, что Сталин и его окружение делали все от них зависящее, чтобы проиграть войну, самим оказаться за бортом истории, а то и просто на виселице.

Ну а пока, мол, идет война – побольше погубить народу. Облегчить, так сказать, Гитлеру дальнейшую колонизацию страны. Все их решения были неверными, глупыми, бездарными, антинародными. Ни один из сталинских генералов не имел совершенно никаких военных познаний, принимать верные тактические и стратегические решения не мог, руководить боевыми действиями не умел, и если и добивался кое-где успеха, так только за счет того, что просто заваливал немцев красноармейскими трупами, горами сгоревших советских танков и горами разбитых краснорозетных самолетов.

Что немцы отступали только потому, что просто уставали избивать и громить неисчислимые советские дивизии, которые «кремлевский зверь» безжалостно кидал сотнями под немецкий огонь. Ну и вплоть до того, что немцы подписали капитуляцию исключительно из чело-веколюбия, поскольку не могли больше выносить вида холмов из трупов советских солдат, устилавших сплошным ковром поля России, Украины и Белоруссии.

Ну и так далее, и тому подобное. Ну и вообще, СССР войну не выиграл, а проиграл. Во всяком случае, так безапелляционно утверждает светоч и непререкаемый для российских демократических историков авторитет Виктор Суворов.

Вот только что-то все эти тезисы и доказательства о гениальности выдающихся немецких стратегов и бездарности «сталинских недоучек из школ младшего комсостава, получивших маршальские погоны исключительно за личную преданность сталинскому режиму», как-то уж очень совпадают с писаниями действительно выдающегося пропагандиста доктора Йозефа Геббельса. Во всяком случае, утверждения и аргументация очень схожи. Впрочем, как и причины поражения Германии, приводящиеся многими немецкими генералами-мемуаристами.

При этом все эти обличители бездарности сталинских полководцев и певцы выдающихся талантов немецких генералов как то все время за скобками оставляют полководцев армий стран Западной Европы, как будто Вторая мировая война свелась лишь к противоборству Советского Союза и Германии.

Давайте вспомним, что всех талантов польских генералов в 1939 году хватило на пару недель организованного сопротивления, после чего Польша рухнула как карточный домик. А ведь Польша имела далеко не самую слабую армию Европы.

Ладно, допустим, что в Польше никто действительно не ожидал внезапного нападения Германии, тем более, что надеялись на совместный с немцами дележ русского пирога после падения СССР. Немцы же подарили им кусок Чехословакии (Тешинский район). Они ведь

очень набивались в союзники Гитлера и предлагали ему свое участие в походе против СССР. Сей факт польские историки, да и не только они, сегодня старательно замалчивают.

Но Франция-то, Франция! Она имела сильнейшую в Европе армию. Она доказала свою силу в Первой мировой войне. У французов времени на подготовку к реальной войне было более чем достаточно (с сентября 1939 по май 1940 год). И немецкий план войны против них был французским генералам известен, и людских резервов ничуть не меньше, чем у немцев, а с учетом колониальных войск – намного больше. И промышленное производство не уступало немецкому. И мощная оборонительная линия Мажино была в полной готовности. И танков у французов было существенно больше, чем у немцев. Насколько хватило талантов французских генералов? Чуть больше, чем на месяц.

Вспомним английских генералов, потерявших у Дюнкерка практически всю свою сухопутную армию и спасших личный состав своих потрепанных дивизий без тяжелого оружия, танков, автотранспорта лишь благодаря тому, что Гитлер просто-напросто остановил своих танкистов и дал возможность британцам убраться с континента. Спас их, так сказать, лицо.

И после всего этого у наших демократических историков поворачивается язык называть советских генералов и маршалов бездарностями? А что тогда вы скажете о польских, французских, английских, норвежских, датских, бельгийских полководцах? Получается, что во всей Европе были способны правильно водить в бой свои армии только немецкие генералы?

Да, в 1941 году они переигрывали наших полководцев и добились выдающихся военных успехов. Но, если почитать внимательно их мемуары, то везде находим описание того, как с чисто немецкой пунктуальностью, аккуратностью, тщательностью вермахт был подготовлен к войне в материально-техническом плане, как тщательно были решены вопросы всестороннего обеспечения и снабжения, связи, коммуникаций. Как в полном достатке были заготовлены патроны, снаряды, бомбы. Личный состав был тщательно обучен, подразделения и части были отлично натренированы, сколочены, обкатаны и обстреляны. Все тактические приемы и способы ведения боевых действий, техника и оружие опробованы в ходе боевых действий на Западе.

Сам план войны был тщательно проработан, рассчитан. Войска были размещены в соответствии с этим планом. Проложены все необходимые дороги, подтянуты поближе к границе склады. Были многократно проведены войсковые и командно-штабные учения от уровня рот до уровня групп армий. Все учли немецкие военачальники, включая тактическую внезапность и неизбежную растерянность советского командования, выбрали наиболее удобное время и погоду.

Таким образом, сценарий спектакля, то есть войны, был написан и выверен тщательно, все репетиции были проведены. А война, как и театральная постановка, тем лучше удается, чем тщательнее отрепетирована.

Словом, войну они начали при настолько благоприятных условиях, что лучшего и желать было не надо.

Не стоит забывать и о том, что нападающий находится всегда в более выигрышном положении, чем обороняющийся, который вынужден приспосабливаться к действиям наступающего, при этом все время отставать в своих действиях минимум на шаг.

Не столь уж и сложно в такой обстановке добиваться легких и быстрых побед.

Но вот когда эти благоприятные условия стали постепенно таять, и когда реальности войны стали не соответствовать немецким планам, то успехи как-то уж слишком быстро стали тускнеть, вермахт начал все чаще и сильнее спотыкаться.

Извините, господа, но неспособность немецких генералов использовать все эти свои громадные преимущества в полной мере для победы, никак не говорят об их гениальности.

А вот способность Красной Армии после столь сокрушительных ударов, после жуткого разгрома летом 1941 года, когда она понесла огромнейшие потери в личном составе и воору-

жении, подняться на ноги, изо дня в день наращивать сопротивление, как-то не очень убеждает в бездарности ее военных руководителей. Этим «неумехам и недоучкам» не мешали ни бездорожье, ни морозы, ни немецкое техническое превосходство, ни то, что на вермахт работала вся покоренная Европа.

Тезис демократических историков о том, что Красная Армия добилась побед исключительно за счет огромных, несопоставимых с немецкими людскими потерями, является надуманным, совершенно непрофессиональным и способным убедить лишь того, кто желает обманываться. Это только в пословице возможно «шапками закидали», но не в реальной войне.

Да и то, как эти потери считаются и сравниваются, внимательного читателя обычно убеждает лишь в недобросовестности демократических историков, в их стремлении подтасовать данные.

Должен сказать, что достаточно достоверно подсчитать потери как Красной Армии, так и вермахта, и сделать объективные выводы невозможно в принципе. Здесь возможно считать лишь, так, как это хочется. Можно посчитать в одну сторону, а можно и совсем наоборот.

Поэтому я лишь обозначу некоторые из тех проблем, которые встают перед тем, кто пытается подсчитывать и сравнивать потери, а вы, уважаемый читатель, думайте сами.

Первая проблема. К какой стороне отнести те несколько сот тысяч военнопленных Красной Армии, которые сдались немцам в плен и затем пошли к ним на военную службу? И не только в качестве кухонных рабочих, конюхов и иного обслуживающего персонала, численность которого во многих немецких дивизиях достигала 15 процентов от общей численности (т. е. высвобождались для участия в боях немецкие солдаты). Я имею в виду различного рода противопартизанские формирования, которые воевали на стороне немцев против партизан, охотились на советских диверсантов-парашютистов, охраняли важные немецкие объекты, забрасывались в советский тыл в качестве разведчиков, диверсантов. Да и на фронте были подразделения, части и даже соединения из бывших советских военнопленных. С одной стороны, их справедливо можно отнести к потерям Красной Армии. Но с другой, – когда они воевали на немецкой стороне, их в боях тоже убивали, ранили. Разве их нельзя учитывать как потери немецкой стороны? А их-то в этом качестве обычно не учитывают.

Вторая проблема. К потерям Красной Армии повсеместно относят не только потери тех, кто непосредственно входил в штатный состав РККА, но и личный состав милиции, НКВД-НКГБ, МПВО, пограничников, партизан, подпольщиков, ополченцев, причем не только служащих, но и вольнонаемный состав, и не только русских, а лиц всех, абсолютно всех национальностей, включая и национальностей других государств (тех же испанцев, поляков, чехов, югославов, немцев, французов). Например, отнесены к потерям Красной Армии потери испанцев, бежавших в СССР после поражения в Гражданской войне в Испании. А также потери сформированных в СССР польских и чехословацких дивизий.

А вот к потерям вермахта обычно относят только военнопленных и военных чиновников Сухопутных войск, люфтваффе, кригсмарине и войск СС. Лиц же вольнонаемного состава вермахта, зондеркоманд СС, весь персонал организации Тодта, фольксштурмистов, немецких железнодорожников, полиции, персонал Германского трудового фронта, имперской службы труда, вспомогательную службу зенитчиков, членов вооруженных формирований *Algemeine SS* относят не к военным потерям, а к потерям гражданского населения. А ведь большинство из членов перечисленных организаций дрались против нас с оружием в руках, особенно в конце войны.

Вот короткая выдержка из мемуаров офицера вермахта В. Хаупта «Группа армий «Север»:

«В декабре 1943 года при строительстве рубежа «Пантера» использовалось 15 000 военнопленных строительных и саперных батальонов, 7000 человек подразделений Организации Тодта (ОТ) и 24 000 гражданских лиц. До настоящего момента они построили 36,9 км про-

тивотанковых рвов, 38,9 км траншей полного профиля, 251,1 км проволочных заграждений и 1346 огневых точек...»

Что мы видим? Оставим в стороне гражданских лиц, принимавших участие в строительстве оборонительных сооружений, поскольку и Красная Армия использовала гражданское население для тех же целей. Но вот организация Тодта (Organization Todt)... Вот что пишет о ней Брайан Ли Дэвис в книге «Униформа Третьего рейха»:

«С началом войны ОТ вела строительство в основном на передовой, возводя укрепления против вражеских войск...

...руководство ОТ ввело в ряды своей организации краткосрочную армейскую подготовку, в ходе которой все сотрудники ОТ обучались владению оружием... «Итак, мы видим, что фактически до трети инженерных войск входили не в состав вермахта, а были самостоятельной военизированной вооруженной организацией. Они выполняли те же задачи, что и саперные подразделения дивизий вермахта, причем на передовых позициях, и надо полагать, что в случае советской атаки солдаты Тодта откладывали лопаты в сторону и брались за винтовки.

А вот их численность и их потери не относят к численности и потерям вермахта. Так подтасовываются цифры.

По немецким учетным данным, оказывается, к потерям вермахта не относили так называемых фольксдойче, хотя их брали на службу в вермахт и тоже отправляли на фронт. Также из учета выпадают лица иных национальностей, служивших в полках и дивизиях вермахта и ваффен-СС. А ведь служили люди разных национальностей, вплоть до индусов и арабов.

Как разобраться в этой мешанине? Как учесть эти потери, если немцы их не учитывали совсем, и данных на этот счет нет никаких? А то, что они были, говорит хотя бы советский учет военнопленных противника. Их было очень и очень немало. По советским послевоенным данным только среди военнопленных лиц не немецкой национальности было больше 1/3.

Третья проблема. Немецкие военные историки вообще оставляют за рамками учета своих потерь военнослужащих армий Финляндии, Румынии, Венгрии, Италии, Испании, Словакии, Франции, чьи полки, бригады и дивизии активно сражались на советско-германском фронте. Российские демократические историки тоже стыдливо закрывают глаза на эти потери немецкой стороны. В лучшем случае скороговоркой бормочут, что финнов, румын, венгров, итальянцев, испанцев и словаков воевало так мало, что их потери можно во внимание не принимать. А так ли это? По данным российского издания «Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Действующая армия», начали войну против СССР вместе с солдатами вермахта ни много ни мало, а 900 тыс. финских, венгерских, итальянских, испанских, словацких и румынских солдат. Очевидно, что и потери их были немалые, но в общую численность потерь противной стороны они почему-то обычно не попадают.

Вот документ. Это справка о количестве освобожденных военнопленных по состоянию на 1 февраля 1947 года, подписанная врио начальника Главного управления по военнопленным и интернированным генерал-майором Петровым (ГАРФ. Фонд Р-9401, Опись 2, дело 172, листы 133–139). Заметим, что в этой справке речь идет о количестве освобожденных из плена, а не о всех военнослужащих вермахта и немецких союзников, взятых в плен Красной Армией.

Итого к этому дню было освобождено, чел.:

- немцев – 785 975;
- румын – 94 605;
- венгров – 216 011;
- итальянцев – 21 076;
- австрийцев – 92 077;
- чехов и словаков – 62 120;
- югославов – 19 289;

- поляков – 55 387;
- испанцев – 72;
- голландцев – 4 230;
- евреев – 3 604;
- французов – 20 961;
- бельгийцев – 1 687;
- турок – 104;
- швейцарцев – 169;
- шведов – 31;
- норвежцев – 63;
- англичан – 31;
- американцев – 68;
- люксембуржцев – 1 538;
- датчан – 361;
- болгар – 248;
- греков – 25;
- бразильцев – 3;
- финнов – 1 963;
- бессарабцев – 38;
- албанцев – 5;
- аргентинцев, иранцев, португальцев, южноафриканцев – по 1.

Еще плюс неопределенных национальностей 38 301 человек. А также лиц национальностей СССР, но не граждан СССР, чел.: эстонцев – 499, латышей – 149, русских – 196, молдаван – 2 838, цыган – 54, литовцев – 77, белорусов – 58.

Военная статистика имеет соответствующие формулы, позволяющие, исходя из численности пленных, довольно верно определить число убитых и раненых. Поэтому хочу заметить, что немецкий учет потерь, на который так любят ссылаться демократические историки, охватывал только имперских немцев и австрийцев. Даже по этой справке получается, что из 1 419 449 освобожденных пленных, немцы и австрийцы составляли 878 052 человека, то есть чуть больше половины.

Возникает законное предположение, что цифры потерь, приводимые немецкими источниками, можно умножать сразу на два.

Четвертая проблема. Разбежавшиеся, дезертировавшие эстонский, литовский и латышский корпуса РККА (бывшие национальные армии этих республик) учтены как потери Красной Армии. И это верно. Но значительная часть этих военнослужащих впоследствии оказались в рядах легионов СС. Напомним, что на стороне Германии против Красной Армии воевали и весьма активно 15-я ваффен-гренадерская дивизия СС (латышская), 19-я ваффен-гренадерская дивизия СС (латышская), 20-я ваффен-гренадерская дивизия СС (эстонская). Они ведь тоже несли потери в боях против Красной Армии. Но никто почему-то не относит эти потери к потерям германской стороны. Плюс в эти формирования вступала и литовская, эстонская, латышская гражданская молодежь. Они тоже гибли в боях. Но эти молодые люди учтены как потери советского гражданского населения, но не как военные потери немецкой стороны. А ведь только эстонцев воевало на стороне вермахта более 90 тыс.

Можно вспомнить 14-ю дивизию СС «Галичина», где на стороне немцев воевали украинцы. И они тоже учтены как потери советской стороны (частично как военнослужащие, частично как гражданское население СССР).

Вот и получается – погибают эти люди за Германию, а потери среди них относят к потерям СССР!

Явно налицо политика двойных стандартов. К потерям Германии относят только имперских немцев, которые погибли, были ранены и попали в плен, будучи в штатном составе вермахта. А вот к потерям СССР относят всех, кто так или иначе мог быть причислен к советским гражданам.

Можно еще раз повторить, что подсчитать достаточно достоверно потери РККА и вермахта в боях невозможно. Невозможно уже хотя бы потому, что нет единой методики (да и не может быть) подсчета потерь. Вполне несложно и весьма убедительно можно подсчитать так, что на одного убитого красноармейца придется пять убитых солдат противной стороны. В начале войны Красная Армия действительно несла потери, намного превышавшие потери вермахта. Но постепенно ситуация изменилась не в пользу немцев.

Вот опять пример из книги «Великая отечественная война 1941–1945 гг. Действующая армия» (я не говорю, что это единственное издание, которому можно верить, но оснований полагать, что оно лживо, не более чем в отношении изданий, доказывающих прямо противоположное).

Итак, по данным этой книги, по состоянию на 22 июня 1941 года численность действующей армии РККА составило 2 млн. 743 тыс. человек, вермахта (с союзниками) – 5 млн. 500 тыс. человек. Соотношение 1 к 2 в пользу немцев.

А вот уже к началу зимы 1941 года численность действующей армии РККА составило 4 млн. 196 тыс. человек., а вермахта – 4 млн. 657 тыс. человек. Соотношение 1 к 1,1 в пользу немцев. Если принять за основу, что мобилизационные возможности той и другой стороны одинаковы, то получается, что вермахт понес потерь куда больше, нежели Красная Армия. А если мобилизационные возможности немецкой стороны ниже, чем советской, то в чем тогда состоит военное искусство немецких высших военных руководителей, коли они не сумели удержать свое превосходство в численности?

Так что тезис о том, что Красная Армия выигрывала только за счет огромных потерь, весьма неубедителен, хотя и очень популярен. Этот удобный тезис не только для проигравшей Германии, но, и как это не покажется парадоксальным – и для советского руководства. За счет утверждений, что советский народ понес огромные потери в ходе войны, можно было списывать и все послевоенные просчеты в экономике, планировании, социальной политике, возбуждать негодование людей против Запада, оправдывать гонку вооружений («Вы же не хотите, чтобы ужасы той войны повторились»), низкую зарплату, нехватку жилья, и многое другое.

Удобный тезис для всех, но лживый.

Вернемся к причинам, которые приводятся немецкими, да и не только немецкими, а и многими западными историками, в поражении Германии. Многими, кроме тех, кто действительно пытается разобраться в истинных причинах.

Прежде чем попытаться разобраться в истинности и степени влияния некоторых факторов, определяемых немецкой стороной как основных причинах, скажем так, немецкого неуспеха, установим опорные точки.

Первая точка. Прежде всего, факт, который не может отрицать никто, кроме того же пресловутого В. Суворова. А факт этот состоит в том, что война закончилась в Берлине, а не в Москве. И не Кейтель приказал Жукову подойти к своему столу и подписать акт о безоговорочной капитуляции, а вовсе даже наоборот. И не длинные колонны пленных красноармейцев в мае 1945 года потянулись на долгие годы плена от Москвы в Баварию, Саксонию и Померанию, а потомки тевтонских рыцарей отправились в Татарию, Башкирию и на Урал отрабатывать позор поражения. И не немецкая речь звучала на улицах русских городов, а русский говор резал немцам уши в Берлине, Магдебурге, Вюнсдорфе.

Это несомненный факт, говорящий о том, что Германия потерпела сокрушительное поражение, а не СССР.

Вторая точка. Это относительно того, что Сталин и его маршалы не вправе претендовать на роль творцов Победы. Разумеется, каждый гражданин нашей страны в те тяжелые годы внес свой достойный вклад в общий успех страны.

Однако едва ли даже корабль доберется до порта назначения, если каждый матрос будет отлично и добросовестно исполнять свои обязанности, но на мостике не будет никого, кто будет принимать решения, согласовывать действия всех и каждого, надзирать над нерадивыми матросами и поощрять старательных. Результат будет столь же печальным, если на мостике находится бездарность, неспособная организовать работу всей команды.

Еще древние римляне говорили, что армия ослов во главе со львом всегда победит армию львов во главе с ослом.

Человеческое сообщество – это не рой пчел в улье, хотя и там имеется матка, без которой рой обречен на гибель. Даже у животных, ведущих коллективный образ жизни, для чего-то имеется вожак, которому подчиняются все члены стаи. Отсюда простой вывод – без талантливого лица, стоящего во главе страны, армии, победа невозможна.

Причем у наших демократических историков все победы вермахта есть результат выдающегося руководства немецких генералов, а вот успехи Красной Армии есть исключительно результат самоотверженной борьбы рядовых красноармейцев при явно отрицательной роли высшего военного руководства. Какие-то двойные стандарты.

И все же Германия войну проиграла. Собственно, этим все сказано – чьи генералы и маршалы гении, а чьи бездарности. Хотя я не стал бы давать столь экстремальные оценки тем и другим. Правильнее называть одних талантливыми военачальниками, а других не очень талантливыми или вовсе не талантливыми.

Всегда и везде о степени таланта в любой области человеческой деятельности судили по конечному результату, а не по тому, как тяжело этот результат достигался.

Например, Лев Толстой переписывал свой роман «Война и мир» 18 раз, а, скажем, Дарья Донцова строчит свои детективы по пять штук за год. Так что, назовем Толстого бездарностью, а Донцову гением литературы?

Или как вы назовете тренера хоккейной команды, чья команда в финальном матче первый период проиграла, второй с огромным трудом свела вничью, и забила победный гол на последних секундах матча? Будете ли вы его хвалить и восторгаться или начнете поливать грязью и ругать? Сосредоточите все внимание на том, как соперник раскатывал его команду весь первый период? Скрупулезно подсчитаете, что соперник бросал по воротам шайбу за этот злостный период 300 раз, а получал в ответ только 30, и на этом основании сделаете вывод о бездарности тренера? А победу припишете не ему, а рядовым игрокам? Как будто не тренер решал, какую пятерку выпускать на лед и когда, на чем сосредоточить усилия, кого из игроков соперника блокировать, и в какой угол ворот лучше бросать шайбу.

Это всего лишь игра, но война в чем-то схожа с игрой. Кто-то может обвинить меня в циничности и сказать, что уж слишком дорогой ценой нам досталась эта Победа, ценой огромного количества пролитой крови. Что делать, такова оказалась цена. Но еще Черчилль сказал: «Сколь ни велика цена победы, она несравнима с ценой поражения». Или лучше было бы сдаться сразу, вовсе не начиная войну, как это сделали чехи? Но Россия – это не Чехословакия и судьба ее оказалась бы куда горше судеб чехов и словаков. Почитайте хотя бы немецкий план «Ост», который так старательно прячет российская демократическая пресса от широких кругов читателей.

Возможно было выиграть войну, не понеся таких тяжелых людских и материальных потерь? Не знаю. Может быть, и возможно. Но, как говорится в русской пословице, «Знал бы, где упадешь, соломки подстелил». Слишком много объективных различных условий и обстоятельств сложились в ту пору неблагоприятно для СССР.

Да, на эти обстоятельства наложились и субъективные ошибки Сталина и всего советского руководства, в том числе и военного. Может быть, если бы не революция и не приход большевиков к власти, то небольшевистское правительство обеспечило бы России легкую победу над Германией? Что царские генералы были талантливее и грамотнее сталинских? Разбирая, как шла Первая мировая война на российско-германском фронте еще до того, как ее стали разлагать большевики, в верность тезиса о талантах царских генералов верится с трудом.

Но об этом потом во второй части книги. Сейчас попытаемся разобраться не в бездарности сталинских маршалов, водрузивших Знамя Победы над рейхстагом, а в «гениальности» гитлеровских, столь блестяще проигравших мировую войну.

Практически все немецкие генералы в своих книгах сводят причины поражения в войне к четырем основным факторам:

1. Некомпетентность Гитлера в вопросах военной стратегии и оперативного искусства.
2. Российское бездорожье и осенняя распутица.
3. Чрезвычайные морозы зимой в России.
4. Неисчислимы людские резервы Советского Союза.

Попробуем разобрать по отдельности все эти четыре основные причины.

Некомпетентность Гитлера

Немецкие генералы в своих мемуарах очень старательно отделяют себя от Гитлера, всячески доказывая, что именно он и только он принимал неверные стратегические и оперативные решения, тогда как все генералы знали наперед как необходимо сражаться, в каких направлениях наступать, когда и как. И это они, мол, всячески доказывали Гитлеру и убеждали его. Но он их не слушал, а вот если бы прислушался, то все пошло совершенно иначе и победа осталась бы за Германией.

Естественно, как высший военный руководитель Гитлер виноват в поражении больше, чем кто-либо другой, поскольку последнее слово всегда оставалось за ним. На нем лежало бремя принятия окончательного решения. И коль Германия проиграла войну, то само по себе утверждение о некомпетентности Гитлера не требует доказательств.

Но при этом генералы-мемуаристы как-то забывают, что и Сталин не был профессиональным военным, и в вопросах ведения войны был не более компетентен, нежели Гитлер, который хоть гефрайтером, но порошу все же понюхал в Первую мировую войну. Можно считать, что некомпетентность Гитлера компенсировалась некомпетентностью Сталина. Да и вообще, много ли новейшая история знает высших государственных руководителей, которые были бы выдающимися военными специалистами? Президент Франции Рейно никогда не был военным. Президент США Т. Рузвельт тоже. Глава английского правительства У. Черчилль хотя и закончил военный колледж, но военной карьеры не сделал. Интересно получается: военная некомпетентность глав США, Англии, Франции и СССР в конечном счете не помешала успешно вести войну, а вот фюреру таки помешала.

Однако утверждения битых фельдмаршалов о том, что если бы решения Гитлер принимал на основании их мнений, то победа была бы несомненна, невозможно опровергнуть лишь потому, что сражения разворачивались не по их сценариям.

К сожалению, жизнь и настоящая война – это не компьютерные игры, когда можно разыграть сражение сначала по одному варианту, потом по другому, третьему и однозначно сказать затем, что решение одного игрока было неверное, а другого верное.

И все же есть все основания полагать, что мнения и предложения немецких генералов далеко не всегда были верными и сулили успех.

Возьмем самое первое военное решение Гитлера о введении войск в демилитаризованную Рейнскую область в 1936 году. Генералы дружно доказывали, что этот акт вызовет мгновенную военную реакцию Франции и Англии, что они моментально вторгнутся в Рейнскую область и выкинут оттуда слабые немецкие части. Но прав оказался Гитлер, а не генералы. Милитаризация Рейнской области прошла без сучка и задоринки. Следовательно, верно поступил в данном случае Гитлер, что не послушал своих генералов. Правильным оказалось его решение, а не генеральские опасения.

Аншлюс Австрии в 1938 году. Вновь встревоженные генералы доказывали Гитлеру неразумность такого решения, предсказывая крупные международные осложнения вплоть до нападения союзников на Германию. Результат? Мир смирился с присоединением Австрии к Германии. Вновь прав оказался Гитлер, а не его выдающиеся военные стратеги.

Ну, это были в меньшей степени военно-политические решения, и в большей степени политические.

Но вот чисто военно-политическое решение об аннексии Судетской области Чехословакии. Эта страна обладала тогда очень сильной армией, плюс она находилась в военном союзе с Францией, Англией, Польшей и даже с СССР. Генерал вермахта Бек даже представил меморандум, в котором доказывал, что этот акт вызовет союзническую войну против Германии, в которой немцам не выстоять. С общего согласия совещания высших военных руководителей

этот меморандум был официально направлен Гитлеру. И что же? Вновь оказался прав Гитлер, а не генералы. Мир смирился с отторжением от Чехословакии огромной части ее территории.

Допустим, что и в этом случае решение было в большей степени военно-политическим, а не военным и что генералы тут не слишком компетентны. Хотя сама военная стратегия как наука лежит на границе чистой политики и чистой войны. Все стратегические решения есть суть военно-политические.

Далее 15 марта 1939 года вермахт вторгается в Чехословакию и оккупирует ее. Это уже чисто военный акт. По мнению немецких генералов, решение о вторжении в Чехословакию непременно приведет к большой войне в Европе, в результате которой Германия будет разгромлена. Ведь Польша однозначно заявила о том, что она поддержит Чехословакию. Советские дивизии подтягиваются к границе в готовности немедленно прийти на помощь чехам по их первой же просьбе, как только будет получено согласие польского правительства на пропуск советских войск через свою территорию. (Напомню, что в 1939 году СССР и Чехословакия не имели общей границы).

И вновь оказывается, что мнения и расчеты немецких стратегов ошибочны и неверны. Операция заканчивается с большим успехом. Снова верным оказывается решение Гитлера.

Война с Польшей. Да, предсказания немецких генералов о том, что нападение на Польшу приведет к большой войне в Европе, оправдались. Франция и Англия объявили войну Германии. Но опять-таки события в 1939 году развернулись не так, как просчитывали гениальные немецкие фельдмаршалы, а так, как предполагал некомпетентный Гитлер. Польша оказалась разгромленной в считанные недели, а ее союзники войну лишь обозначили.

Не стоит описывать дальше события 1940–1941 годов вплоть до 6 декабря 1941 года, когда всякий раз опасения генералов оказывались напрасными, и все развивалось наилучшим для Германии образом в соответствии с планами Гитлера.

Это так сказать, одна сторона медали.

Далее, Гитлер, как и любой другой руководитель государства, не принимал решения и не отдавал распоряжений, основываясь лишь на своих идеях, размышлениях и расчетах. Он советовался со своими министрами, генералами, требовал просчитать различные варианты ведения войны, сражений, запрашивал исходные данные, выяснял, что требуется для успеха. Конечно, окончательное решение принимал Гитлер, но на основании тех данных, которые ему представляли генералы.

Когда генералы в мемуарах пишут о своих спорах с Гитлером, то как-то очень ловко обходят вопрос, а на основании чего же Гитлер принял иное, чем предлагавшееся ими решение? Только из личного упрямства? Едва ли. Несложно предположить, что на стол фюреру ложились и прямо противоположные мнения, исходившие от других столь же высокопоставленных генералов, а оппоненты Гитлера не могли убедительно обосновать свою точку зрения. Иначе говоря, в принятии Гитлером неверных решений большая доля вины все тех же немецких генералов.

Это подтверждается и немецким историком А. Филиппи, который в своей книге «Припятская проблема» описывает процесс разработки и принятия военных планов Германии. Например, разработка плана нападения на СССР началась с того, что начальник Генерального штаба Сухопутных войск вермахта генерал Гальдер предложил сразу нескольким генералам разработать наброски плана. В результате родились три наиболее перспективных плана. Первый – разработка ОКН, второй план – генерала Маркса и третий – генерала фон Зодерштерна. Каждый из них имел и положительные и отрицательные моменты. Заметим, что все три плана были предложены высшими немецкими генералами. А выбрать можно было лишь один. Подобная система действовала и при разработке каждой военной кампании вермахта.

Несложно понять, как родился после войны тезис о военной некомпетентности Гитлера.

Схема такая: план кампании № 1 предлагают генерал X и генерал Y.

Гитлер принимает план генерала Х — кампания проиграна. В послевоенных мемуарах генерал У убедительно разъясняет, что если бы был принят его план, то кампания точно была бы выиграна. Генерал Х в своих мемуарах скромно умалчивает, что проигранная кампания была спланирована им.

Возьмем теперь план кампании № 2. Все меняется местами, когда Гитлер принимает план генерала У — кампания проиграна. Теперь уже в послевоенных мемуарах генерал Х убедительно разъясняет, что если бы был принят его план, то кампания точно была бы выиграна. Генерал У в своих мемуарах скромно умалчивает, что проигранная кампания была спланирована им.

Что имеем в сухом, так сказать, остатке? Проиграно две кампании. В своих мемуарах два генерала указывают на то, что в двух случаях Гитлер не послушался своих генералов. То, что в двух случаях кто-то из генералов потенциально был прав, а другой априори неправ, как-то из поля зрения читателя выскальзывает.

Сосредоточивая все внимание читателей на своих расхождениях с Гитлером мемуаристы в лампадах очень умело обходят вниманием те факты и те свои мнения, которые целиком или частично совпадали с гитлеровскими.

Говорят, что в спорах рождается истина. Вот только как ее опознать, когда ошибка одета в те же самые одежды. Несомненно, что ошибочные и неверные решения, приведшие к катастрофе, Гитлером принимались на основе предположений и расчетов все тех же фельдмаршалов. Так что говорить о своих выдающихся талантах и бездарности Гитлера битым генералам не стоило бы, тем более, что при внимательном рассмотрении событий той поры их собственные трагические ошибки, грубые просчеты становятся достаточно заметны. Их не скрыть за трескотней описаний грандиозных успехов и побед 1941–1942 годов. Тем более, что в конечном результате они привели к сокрушительному поражению.

Но может быть это только мое личное предвзятое мнение, основанное на неверных предпосылках?

Ну что ж, посмотрим, что по этому поводу думают маститые и признанные в западном мире специалисты в области военного искусства.

Американский военный историк С.Л.А. Маршалл, который по поручению правительства США в 1945–1947 годах изучал деятельность германского Генерального штаба и по поручению которого ряд высших немецких генералов составляли письменные отчеты об обстоятельствах принятия кардинальных решений и о ходе военных кампаний приходят вот к какому выводу:

«...может показаться, что гитлеровские фельдмаршалы и генералы были безупречными знатоками военного искусства и что если они в конце концов и были повержены в прах, то только вследствие бестолкового вмешательства Гитлера в дела, в которых он равно ничего не понимал...»

Мнение Гитлера было решающим в военном совете лишь потому, что большинство профессиональных военных поддерживало его, и соглашались с его решениями. Наиболее рискованные решения Гитлер принимал отнюдь не против воли большинства немецких военных руководителей — многие разделяли его взгляды до конца».

А вот как смотрит на тезис о бездарности Гитлера и гениальности его генералов широко известный английский военный историк Б. Лиддел Гарт:

«Перед войной и во время победного шествия по западным странам Гитлер представлялся неким гигантом, сумевшим сочетать стратегический гений Наполеона, острый ум и хитрость Макиавелли и фанатичность Магомета. После получения им первого отпора в России его образ довольно быстро утратил свое величие, и в конце войны он представлялся как бездарный любитель, чьи безумные приказы и махровое невежество сослужили хорошую службу союзникам.

В итоге все трагедии немецкой армии стали приписывать Гитлеру, а успехи Генеральному штабу.

Такая картина не является достоверной...

Гитлер был далеко не так глуп в части стратегии. Более того, в некоторых случаях его можно было даже назвать блестящим стратегом.

Он тонко чувствовал, где необходима внезапность, был непревзойденным мастером психологии стратегии, которую поднял на качественно более высокую ступень...

Он предвидел лучше, чем все генералы, что до начала войны можно осуществить бескровный захват многих стран Запада, предварительно подорвав основы сопротивления. Ни один стратег в истории не достиг таких высот в умении в нужный момент использовать слабости противоборствующей стороны, а ведь именно в этом заключается искусство стратегии...

...Нежелание рассматривать очевидную вероятность именно такого развития событий и возникающих при этом вопросов проливает свет на ограниченность профессиональных взглядов немецких генералов. Становится очевидным, что они не обладали достаточными познаниями в области генеральной стратегии и не вполне понимали истинные цели войны...

Слабые стратеги не могли постичь успеха при общении с Гитлером, который на лету схватывал вопросы политики и стратегии... Генералы не имели возможности спорить с ним на равных, поскольку не достигли его уровня понимания современных проблем, а следовательно, и не были в состоянии исправить ошибки генеральной стратегии или обуздать свои амбиции. Их профессиональные знания стратегии и тактики находились на более низкой ступени...

...Генералам не удавалось удержать Гитлера от опрометчивых шагов, для этого они были слишком профессиональными военными, иными словами имели достаточно ограниченные взгляды, и к тому же являлись специалистами только в сухопутной войне...

...немецкие стратеги не были знакомы с факторами, которые должны были являться основами для разработки операций...

...а немцы после своей последней авантюры (Сталинграда), наоборот бездарно растратили силы, которые могли использовать для организации отпора...

То, что не один Гитлер виновен в проигрыше войны сквозь зубы признают и некоторые немецкие генералы.

Генерал-фельдмаршал фон Клейст: «Мы не готовились к затяжной борьбе. Все строилось на достижении решающей победы еще до наступления осени...

...Мы все-таки могли достичь цели (Сталинграда), если бы бездарно не разбазаривали силы...

Такое растаскивание армии по кускам, по моему твердому убеждению, внесло весомый вклад в наши последующие неудачи...

...Причинами неудачи немцев на востоке, по моему мнению, является то, что наши войска были вынуждены преодолевать огромные пространства, не имея должной гибкости командования... «Генерал-майор Типпельскирх: «Основная причина поражения немецкой армии заключалась в том, что ее силы были бездарно растратчены бесполезным сопротивлением в ненужном месте и в неудобное время, а также бесплодными попытками захватить невозможное. В нашей кампании отсутствовала стратегия».

Генерал-майор Г. Дерр: «Сталинград должен войти в историю войн как величайшая ошибка, когда-либо совершенная военным командованием, как величайшее пренебрежение к живому организму своей армии, когда-либо проявленная руководством государства...»

«Генерал грязь»

Немецкие мемуаристы дружно называют одной из главных причин провала войны русское бездорожье вообще и страшную распутицу осенью в частности. Первая крайне затрудняла и замедляла ведение боевых действий, вторая делала ведение боевых действий почти невозможным. Причем то, что эти два фактора влияют и на противную сторону, как-то умалчивается.

По мемуарам Гудериана можно точно установить даты начала и окончания распутицы на московском направлении. Это 7 октября 1941 и 4 ноября 1941 года. Таким образом, меньше месяца продолжалась распутица, которая вроде и является главной виновницей неудачи под Москвой.

Один месяц из пяти с половиной вермахт не имел нормальной подвижности и это решило исход всей кампании, а в конечном счете и всей войны? Но известно, что немецкое наступление захлебнулось не 7 октября, а лишь 6 декабря, т. е. более чем через месяц после окончания распутицы. Следовательно, распутица могла лишь замедлить темпы наступления, но не сорвать его вообще.

Этого времени хватило Красной Армии, чтобы опомниться от летне-осенних поражений, переформироваться, подтянуть свежие дивизии (по бездорожью?) и сорвать немецкий удар на Москву? В значительной мере это факт. Но этот факт говорит не в пользу тезиса о гениальности немецких полководцев и бездарности сталинских генералов. Получается, что немецкие стратеги не сумели учесть фактор времени, который работал против вермахта, не сумели добиться его нейтрализации.

Отсюда следует простой и ясный вывод – стратегия блицкрига, т. е. молниеносной войны, на которую немецкие фельдмаршалы делали ставку, в условия России была ничем иным как авантюрой. А, как известно, те, кто пытается добиться успеха за счет авантур, именуются авантюристами, а отнюдь не гениями, и даже не талантами.

А вот бездарные, лапотные, малограмотные сталинские генералы от сохи, так этот фактор сумели использовать к своей пользе в полной мере.

Бесспорно, осенняя грязь и бездорожье изрядно влияют на боевые действия вплоть до того, что они почти замирают. Однако в суждениях немецких генералов на осеннюю грязь никак не отражается ее влияния на действия Красной Армии. На нее, что, распутица никак не влияла вообще?

Давайте сравним.

Основу вермахта и Красной Армии составляла пехота. Из 134 дивизий вермахта, действовавших в СССР, только 17 были танковые и 12 моторизованных и мотопехотных. Остальное – пехота. Думается, что на пехотинцев той и другой стороны грязь действует одинаково, поскольку пехота передвигается пешком. Сапог немецкий вязнет в грязи точно так же, как и российский. Это не колесо и не гусеница.

Лошади с повозками одинаково страдают от грязи в обеих армиях.

Да и танки вязнут в грязи одинаково, что немецкие, что русские. Утверждения о том, что русские танки имели более высокую проходимость по грязи, чем немецкие из-за большей ширины гусениц, малоосновательны. Ширина гусениц определяется не государственной принадлежностью, а весом танка. На легком танке гусеницы узкие, на тяжелом – широкие. Здесь важно удельное давление на грунт, т. е. отношение веса танка к площади гусениц (той их части, которыми танк опирается на грунт). А оно и у советских и у немецких танков было примерно одинаковым: 0,63—0,75 кг/см².

У советских танков БТ-7 и Т-26, которые преобладали в Красной Армии в начальный период войны, гусеницы были ничуть не шире, чем у немецких Т-III и Т-IV.

Существует широко распространенное утверждение, что вермахт имел гораздо более высокую степень моторизации. Это утверждение усиленно поддерживается советскими мемуаристами, пытающимися оправдать свои тяжелейшие поражения летом и осенью 1941 года. Мол, вермахт весь сидел на машинах, и немцы в хорошую погоду легко могли маневрировать силами и средствами в любом направлении. Если это так, то действительно распутица должна была лишить вермахт этого своего главного преимущества – высокой подвижности. Ни на что так грязь не действует, как на автотранспорт.

Мы установили, что основу сил вермахта составляли пехотные дивизии. Посмотрим, что из средств подвижности имелось в пехотной дивизии вермахта. Данные возьмем из книги немецкого генерала Мюллер-Гиллебрандта «Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг.», которая в мире признана как самый полный и точный справочник по вермахту.

Итак, в пехотной дивизии первой волны имелись:

- 4 842 лошади;
- 394 легковых автомобиля;
- 615 грузовых автомобилей;
- 3 бронетранспортера;
- 527 мотоциклов.

Всего 6 381 средство подвижности, из них механических 1539.

Следовательно, подвижность немецкой пехотной дивизии на 76 процентов определялась лошадьми и лишь на 24 процента механическими средствами. Отсюда следует вывод, что при наступлении распутицы подвижность пехотной дивизии может снизиться не более чем на четверть, причем по тяжелым боевым средствам это снижение подвижности будет еще меньше, поскольку артиллерия в пехотной дивизии не на механической, а на конной тяге.

Рассмотрим, как обстояло дело с подвижностью в Красной Армии на примере стрелковой дивизии штата 04/400-416 от 5 апреля 1941 г.

Итак, в советской стрелковой дивизии имелись:

- 3039 лошади;
- 19 легковых автомобилей;
- 539 грузовых и специальных автомобилей;
- 99 тракторов.

Всего средств подвижности 3696, из них 657 механических. Получается, что на 82 процента подвижность стрелковой дивизии определяется лошадьми и на 18 процента механическими средствами подвижности. Следовательно, в случае распутицы подвижность советской стрелковой дивизии снижается на 18 процентов.

Таким образом, распутица снижала подвижность немецкой пехотной дивизии на 24 процента, советской стрелковой дивизии на 18 процентов. Разница, как видим, имеется, но не столь уж и значительная.

А вот что пишет в своих мемуарах гауптманн артиллерии Г. Биддерман, в июне 1941 года гефрайтер – наводчик противотанковой 37-мм пушки 14-й противотанковой роты 438-го пехотного полка 132-й пехотной дивизии 34-го корпуса, который находился в резерве группы армий «Юг»:

«Мы удивились тому, как хорошо была моторизована Советская армия. Наша артиллерия была представлена в основном орудиями на конной тяге, как во времена Первой мировой войны»

Эти бесхитростные строки свидетельствуют о том, что тяга советской артиллерии в значительной мере была механизированной и была выше, чем у вермахта. Настолько выше, что для своего орудия немецкие артиллеристы отыскивали советскую полуторку, которую автор почему-то называет «Фордом», и о которой он отзывался очень уважительно.

А вот что он пишет перед этим:

«Наш поход продолжался всю первую половину июля... Вдоль обочин то здесь, то там попадались перевернутые тягачи с прицепленными к ним полевыми орудиями».

Заметим, не конные упряжки, а тягачи. Получается, что советской артиллерии бездорожье и распутица должны были мешать гораздо больше, нежели немецкой и от нее она проигрывала в подвижности больше.

И так, осенняя распутица 1941 года, несомненно, повлияла на ход боевых действий, но она не могла стать решающим фактором в торможении разбега вермахта. Красная Армия могла выиграть за счет распутицы не более 6 процентов подвижности. И то только по пехоте. По артиллерии она проигрывала из-за бездорожья. Вот и все. Эти 6 процентов в оперативно-тактическом плане не могли оказаться решающими в ходе и исходе битвы под Москвой.

Любопытно и другое. Описывая дальнейший ход войны, немецкие мемуаристы о факторе распутицы практически больше не упоминают. А что, весной 1942-го ее не было? Когда 6-я армия мчалась к Сталинграду, ее тоже не было? А 1943, 1944-й – в эти годы не было ни весны, ни осени? С осени 1944 года вермахт только обороняется, а Красная Армия резко нарастила свою моторизацию (в том числе и за счет больших поставок автотранспорта по ленд-лизу). Почему же, когда роли поменялись – распутица и бездорожье ничуть не мешают Красной Армии успешно наступать?

Были и весна и осень, и распутица тоже была. Только теперь ее в планах кампаний учитывали не только советские, но и немецкие генералы. Интересно получается – советские бездарности распутицу учитывали всегда, а немецкие военные гении стали принимать ее во внимание только, когда крепко получили по носу.

А в 1941 году гениальные гитлеровские фельдмаршалы распутицу в расчет не приняли. Не знали, что в России не развита дорожная сеть и что осенью у нас грязь непролазная? Не могли не знать. Многие из них воевали на этих же территориях еще в Первую мировую войну. Напомню, что солдаты кайзера дошли тогда и до Ростова, и до Риги, и до Киева, и до Минска. Пренебрегли этим фактором? Несомненно. Ну и где тогда их гениальность, высочайшее стратегическое мышление, тактическая грамотность? В чем она состоит?

Не грязь остановила дивизии вермахта у стен Москвы, а нечто иное. А вот это нечто иное стыдно признать битым немецким фельдмаршалам. Стыдно признать, что их победили сталинские «бездарные лапотные малограмотные» маршалы.

И опять-таки любая грязь и распутица очень даже могут снизить темпы наступления. Но ни бездорожье, ни раскисшая почва убивать немецких солдат не умеют, сжигать танки вермахта не могут. А немцы несли потери и немалые. Рассмотрим служебный дневник начальника Генерального штаба сухопутных войск генерала Ф. Гальдера. Эти записи он аккуратно вел ежедневно вплоть до дня снятия с должности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.